

— Мустафа Сафич, не хотелось бы начинать с традиционного вопроса: над чем вы сейчас работаете? Оставим это под конец. Сначала вопрос, может быть, чисто читательский. Не так давно была опубликована ваша повесть «Долгое, долгое детство», а в только что вышедшем девятом номере «Дружбы народов» появились ее новые главы. Во вступлении к повести вы откровенно признавались, что собираетесь рассказать о судьбах людей, с которыми жили или прошли кусок пути, то есть намекали на автобиографичность и реальность повествования. Между тем некоторые его главы вроде бы и не совсем реальны, почти фантастичны. Каким же образом правда жизни превращается у художника в правду искусства?

— Может быть, это прозвучит несколько странно, но скажу так: в повести моей все есть правда, настоящая на вымысле. Я оговаривался в предисловии, что имена многих реальных людей не изменены. И эти люди пока не упрекали меня в том, что я что-то рассказал не так, как было, хотя что-то я и домыслил. Некоторые события перенесены в другое место или время, но восприняты так, как я их описал.

Да, читатель, бывает, требует от автора: покажи мне правду такой, как она есть в жизни. Но ведь известно, что об одном и том же событии разные люди рассказывают по-разному. Так и художник, тем более художник. Поэтому, когда пишу, я не знаю, где выдумываю, где рассказываю виденное. Потому что, сам того не замечая, я уже подчиняюсь законам искусства. Действительность же, преобразованная искусством, обретает другое измерение.

А вообще-то вопрос о превращении правды жизни в правду художественную — чересчур сложный. На него не ответил бы и Лев Толстой.

— Не сказывается ли в ваших взглядах на природу художественного творчества, что вы в своем творчестве отчасти следуете романтическому направлению?

— Знаете мудрую пословицу: не говори ту правду, в которую могут не верить люди. Так вот, правда в искусстве измеряется не самой правдой, а верой в эту правду. Если читатель поверил, значит, написанное тобой — правда. А чтобы поверили, — надо немного вымысла. Правда в искусстве должна быть чуть-чуть окрыленной, а не навязчиво-назидательной.

Я только что прочитал двухтомный дневник Константина Симонова «Разные дни войны». Думаете, он воспринимается как чисто документальная хроника войны? Ошибаетесь — это художественная книга! Факты жизни, прошедшие через горнило таланта, становятся искусством. Помните, у Сент-Экзюпери: камень, из которого сделан храм, становится не камнем, а камнем храма. То же произошло и с дневниковыми записями К. Симонова, буквально поражающими меня. Они открыли мне всю глубину и нравственные истоки его романов. Казалось бы, какой интерес после его книг о войне читать дневник, так сказать, подго-

товительные материалы? А интерес в том, что это написано художником. Факты жизни, обогретые талантом писателя, становятся искусством — Камнями Храма.

— Но разве не бывает так — хочешь изобразить все правдиво, а получается натянуто, фальшиво?

— Бывает. Например, в случае, когда заранее навязал себе концепцию. Я как-то решил писать не просто стихи, а цикл стихов. Заранее засеивая в голове мысль заставила меня написать и несколько тех стихотворений, которые диктовались композицией цикла, а не творческой необходимостью. Немудрено, что они получились риторичными, в них не чувствовалось души. И это в поэзии, где все, казалось бы, создается по вдохновению — Пегас. Парнас и все такое... А что же говорить о прозе или, по-

знает, что новое пробивает себе дорогу в жизнь с драматическими, порой кровавыми осложнениями. Вот почему в моей трагедии люди вначале отворачиваются от Прометеева огня и проклинают его. Прометей, думал я, принес огонь людям не затем только, чтобы они готовили на нем пищу и согревали у костра руки. Прометеев огонь — это самопознание людей. Они и увидели-то себя по-настоящему лишь в свете этого огня, увидели и распрямились, осознали свое величие и предназначение. Прометей не огонь принес, он принес истину: соединив огонь небесный и земной. Он показал красоту человека, в котором телесное и ду-

детях в годы войны, юные герои не ощущают. всех тягот войны. Но я не воспринял это как упрек. Детство потому и детство, что оно не понимает или, скажем так, не думает, как ему тяжело. То, что нам было трудно в детстве, мы осознаем, только став взрослыми.

— Очевидно, формула «добро, должно быть с кулаками» не подходит к вашему творчеству?

— Я бы выразился так: добро имеет право на то, чтобы отстоять себя, но утверждать себя кулаками оно не должно, если, конечно, не хочет превратиться в зло: Сказанное имеет отношение и к искусству. Я против жестокого натурализма, бытовизма и плоской заземленности в литературе. Литература и искусство, на мой взгляд, должны быть чуть-чуть приподняты над бытом. Могут сказать, что я отрываю искусство от земли, от питающих его корней. Но это уже дело искусства, как ему питаться действительностью.

Может быть, в этом отчасти отрицательном отношении к

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ

Мустафа
КАРИМ:

«ПРАВДА В ИСКУССТВЕ ДОЛЖНА БЫТЬ ОКРЫЛЕННОЙ»

ложим, о драматургии, где композиция вещи действительно должна быть если не вычислена, то во всяком случае хорошо продумана! Но продуманность не должна стать заданностью. В иных пьесах мы, например, стараемся привести в удобное соотношение количество положительных и отрицательных персонажей. Неужели это нас должно заботить? Ведь в конце концов Прометей один осветил все человечество!

— Вопрос в связи с упомянутым вами героем. В начале года в «Новом мире» опубликован русский перевод вашей трагедии «Не бросай огонь, Прометей!». К этому герою, как и вообще к мифу, в последнее время обращаются и многие другие художники. Чем вы это объясняете?

— Очевидно, особенностями времени, в которое мы живем. Времени, которое претендует на точный расчет. Машинизация, предельная рационалистичность, проникающая порой в сферу духовной деятельности, глобальность проблем, перед которыми сегодня встало все человечество, поневоле заставляют нас оглядываться на пройденный путь.

Мое обращение к образу Прометей также возникло из раздумий над судьбами людей, науки, культуры, человеческого знания, прогресса.

Всем известно, что Прометей похитил у богов огонь для того, чтобы отдать его людям. Но нигде в древней легенде и ее вариациях не говорится (во всяком случае, я не встречал) о том, как приняли этот дар люди. Мне казалось, что они не могли сразу принять (и понять) огонь. Ведь вся история развития человечества показы-

вает, что новое находится в гармоническом слиянии.

— В пьесе об этом Прометей говорит Афродите: «Хочу глаза открыть я человеку, пусть увидит, сколько красоты и мощи есть в нем самом... Потом когда-нибудь он будет мне за это благодарен...» И получает ответ богини любви: «Не жди хвалы, дождешься поношенья». И поношенья, как и возмездие, не заставило себя ждать. Но жестокости наказания, которому у вас подвергается Прометей, должна быть (в отличие от легенды) для него мучительна вдвойне: помимо Зевесова гнева, его должна мучить и человеческая неблагодарность. Между тем жестокость в изображении человеческих взаимоотношений не свойственна вашему таланту.

— Ну, во-первых, не забывайте, что перед вами все же трагедия, а не античные буколки. Трагедия, которая, как я считаю, связана по своей центральной идее с моими двумя предыдущими пьесами в этом жанре — «Ночь лунного затмения» и «Салават». Во всех трех пьесах я пытался воплотить одну идею — раскрепощение человека, его духовное освобождение. В каждой из трагедий эта идея раскрывалась по-разному: в пьесе «В ночь лунного затмения» — в плане личном, в «Салавате» — в национальном, в «Прометее» — я осмеливаюсь сказать, в общечеловеческом. Естественно, решение таких задач в истории не обходится без жертв.

А вообще-то вы правы: героям моим не свойственны ни жестокость, ни упоение страданием. Очень уважаемый мною Сергей Алексеевич Баруздин как-то даже упрекнул меня, что в моей повести «Радость нашего дома», рассказывающей о

бытописательству сказывается мое изначальное тяготение к романтике жизни и революционных преобразований 20—30-х годов, а позднее — к героике народного подвига в Великой Отечественной.

— Мустафа Сафич, после того, что вы рассказали, читателю, наверное, легче будет понять и замысел той вещи, над которой вы сейчас работаете?

— Задумал новую пьесу — «Пеший человек». Название пока условное, но, в общем, отвечающее замыслу. Мой герой должен видеть все то, что видят обыкновенный пешеход. Он может находиться и на высоком посту. Но должен ходить по земле и мыслить земными категориями. Мы ведь в последнее время мало ходим, так сказать, ногами — все больше норовим проехать, прокатиться, пролететь. Скоростное передвижение на самолете или мгновенность решений, которые выдает за нас счетная машина, — не отучают ли они нас от внимательного и пристального взгляда в окружающий мир? А иногда нам надо медленно думать, медленно решать, когда делаем большие дела. Мы ведь пока на земной орбите.

— А нет ли здесь противоречия: с одной стороны, исповедуемая вами формула «чуть выше быта», с другой — призыв спуститься на землю, пройти по ней пешком?

— Бывает, что тело мчится, опережая звуковой барьер, а душа волочится по земле. Случается и наоборот. Об этом я и хочу поговорить в пьесе.

Беседу записал
Павел УЛЬЯШОВ